

Мужчиной в маске оказался Годжо Сатору. Два дня он крутился подле Накахары Яёи, успешно притворяясь прикомандированным к мафии магом, и соизволил раскрыть карты лишь под вечер последнего дня.

Когда Яёи незадолго до этого утверждал, будто трудится обычным мафиозным клерком, Годжо даже бровью не повел — подыграл с самым невозмутимым видом.

Яёи мрачно прищурился. Из-за вечно безучастного, усталого выражения лица он и в лучшие дни казался нелюдимым, а уж теперь, когда его по-настоящему вывели из себя, тучи над ним сгустились окончательно.

Присутствие Гето Сугуру связывало по рукам и ногам — устраивать сцену при нем не хотелось, так что Яёи молча притворил дверь.

Вскоре Гето и Годжо вернулись. Сугуру тащил резиновые перчатки, тряпки и ведро, а Годжо — метлу и бутылку моющего средства.

Без лишних слов забрав у Сугуру ведро, Яёи наградил Годжо тяжелым, многообещающим взглядом.

Годжо в ответ лишь недоуменно приподнял брови. К счастью для него, Яёи тут же отвернулся.

Они вернулись в комнату. Вещи в шкафу пролежали без дела целый год, и пусть не заплесневели, но успели ощутимо отсыреть. Забрав одежду и постельное белье, Сугуру ушел в прачечную, а Яёи и Годжо принялись вытирать пыль со шкафов и подоконников.

За все время Яёи не проронил ни слова, лишь изредка прожигая Годжо недовольным взглядом.

Тот окончательно запутался. Годжо искренне не понимал, в чем провинился и за какие грехи на него обрушилась эта безмолвная кара.

На то, чтобы выскрести комнату до блеска, у них ушел час.

Заметив, что одноразовые тряпки и перчатки закончились, Сугуру ушел на склад за новыми хозяйственными припасами. Яёи отправился в прачечную подождать, пока досушатся вещи. А Годжо, не выдержав затянувшейся экзекуции молчаливым гневом, поспешно ретировался к себе.

До конца сушки оставалось еще прилично времени. Яёи нетерпеливо мерил шагами прачечную, то и дело поглядывая в окно. Склад ютился за учебным корпусом; чтобы получить новые вещи, Сугуру придется заполнить кучу бумаг у коменданта, так что быстро он не управится.

Придя к этому логичному выводу, Яёи решительно направился к комнате Годжо.

Приоткрыв дверь, он увидел Годжо — тот сидел за столом, безучастно подперев щеку рукой и глядя в окно. Изнурительные тренировки Верлена не прошли даром: Яёи умел передвигаться абсолютно бесшумно. Он проскользнул в комнату без единого звука, точно призрак.

И все же Годжо почувствовал его. Словно от удара током, он резко обернулся.

Яёи ожидал этого и лишь досадливо поморщился. Годжо обладал «Шестью Глазами», а значит, видел малейшие колебания проклятой энергии. Ему не мешала даже глухая повязка...

И тут в памяти Яёи вспыхнуло воспоминание.

В Сурибати, когда они играли в прятки с местными ребятами, этот наглец в маске безошибочно отыскал именно его. Да еще и осторожно отвел мешавшую прядь с его лица, едва ощутимо задев пальцами щеку.

Тогда Яёи наивно списал все на случайность.

И лишь теперь, сорвав с него маску, он с запоздалым возмущением осознал: Годжо сделал это нарочно.

Взгляд Яёи сделался совсем ледяным.

Заметив, как потемнел лицом гость, Годжо предусмотрительно откатился на стуле подальше:

— Сразу предупреждаю, «Безграничность» я не отключал.

Яёи не собирался тратить время на пустые препирательства.

— Тот тип в лисьей маске — это ведь твоих рук дело, Годжо? — в лоб спросил он.

Годжо не ожидал, что Яёи от злости назовет его по имени, да еще и раскусит так быстро.

Поразмыслив пару секунд, он удивленно округлил глаза:

— погоди, ты вчера поднял записи с камер? Но я ведь ни разу не снял маску!

Яёи возмущенно уставился на Годжо.

Этот наглец еще смеет притворяться дурачком!

Покидая вчера штаб-квартиру Портовой мафии, этот шут обернулся прямо к объективу камеры и издевательски показал пальцами знак «V». Вопиющая, наглая провокация.

Эту запись вчера просматривали Мори Огай, Накахара Чуя и Озаки Коё. Яёи отчетливо помнил, как потемнел лицом Чуя в ту самую секунду, когда шут перед камерой вскинул руку.

Любой пес в подворотнях Йокогамы знал, что злить повелителя гравитации из Портовой мафии — верный способ покончить с собой. Яёи слишком хорошо знал своего брата. Как только начнутся занятия, Чуя расшибется в лепешку, но выкроит время лично привезти его в Токийский магический колледж. И тогда их встреча с Годжо станет лишь вопросом времени.

Яёи в раздражении замерил шагами комнату.

Заметив, что гость не на шутку взвинчен, Годжо примирительно указал на кресло-качалку у стены:

— Да брось ты, присаживайся.

Терпение Яёи лопнуло. Он решил переложить груз своей тревоги на истинного виновника этого хаоса.

— Какого черта ты устроил эту пантомиму перед камерами? — напустился он на Годжо. — Чуя теперь рвет и мечет!

Годжо, как и следовало ожидать, уцепился совершенно за другие слова.

— Еще один «Чуя»? — подозрительно сощурился он. — И кто это?

Яёи одарил его красноречивым молчанием.

Годжо наконец соизволил убавить паячества:

— Да не собирался я никого провоцировать. Хотел лишь, чтобы ты обратил на меня внимание.

Он картинно поднял три пальца, якобы принося нерушимую клятву.

Яёи устало прикрыл глаза.

Будь на месте Годжо любой нормальный человек, его поступок показался бы дикостью. Но для Годжо Сатору это укладывалось в рамки обычного поведения.

Сделав глубокий вдох, Яёи попытался унять закипающее раздражение.

Годжо теперь знал, что Яёи — кандидат в исполнительный комитет Портовой мафии. Стоит этому треплу проговориться хоть кому-то, и вороха проблем не избежать. Следовало немедленно заключить с ним сделку, а если потребуется — пригрозить расправой, лишь бы он унес эту тайну с собой в могилу.

Хотя нет, слово «шантаж» подходило здесь куда точнее, нежели «переговоры».

— О том, что я кандидат в исполнительный комитет Портовой мафии, никто не должен знать. Ни единая душа. И особенно — Гето. — Яёи сделал вескую паузу, после чего подкрепил свои слова весомым аргументом: — Проболтаешься — я подкараулю момент, когда ты отключишь «Безграничность», и лично начищу тебе холеную физиономию.

Яёи умышленно сделал упор на имя Гето, и Годжо предсказуемо зацепился именно за это.

Он недовольно поправил круглые темные очки и протянул с явной кислинкой в голосе:

— И с чего бы вдруг? Неужели тебе так важно, что о тебе думает Сугуру?

Разумеется, Яёи было не все равно.

Для Сугуру и остальных ребят из колледжа Портовая мафия оставалась лишь опасной бандитской группировкой, и они вряд ли понимали, какую власть дает звание «кандидата в исполнительный комитет».

С одной стороны, Яёи не хотел раскрывать, какую высокую должность занимает в подпольном синдикате. С другой — он просто боялся. Стоило им осознать, что скрывается за этими словами, и они отшатнулись бы от него, как это всегда делали обычные люди.

На этом фоне Годжо, принявший его мафиозную изнанку без тени страха или осуждения, вызывал у Яёи невольное изумление.

Под суровым, пронизывающим взглядом Яёи Годжо, хоть и надулся от досады, вынужден был сдаться:

— Ладно, твоя взяла. Молчу.

Дав обещание, Годжо как бы невзначай скользнул взглядом по аккуратно прибранному письменному столу за своей спиной. Это мимолетное, дерганое движение тут же вызвало у Яёи подозрения. Прищурившись, он качнулся в сторону, пытаясь рассмотреть, что же там прячут.

Годжо мгновенно качнулся следом, заслоняя стол плечом.

Яёи попробовал заглянуть с другого бока — Годжо послушно повторил маневр.

Раздраженный этой глупой пантомимой, Яёи без лишних церемоний обошел его и вплотную приблизился к столу.

На столе не обнаружилось ничего криминального: перьевая ручка, стопка писчей бумаги для отчетов и две скромные деревянные рамки.

В одной из них красовался их совместный снимок на фоне храма Котоку-ин. В другой — фотография, где сонный Яёи привалился к плечу Годжо.

Яёи шел сюда, намереваясь устроить знатную головомойку, однако весь его праведный гнев бесследно испарился, стоило ему увидеть эти рамки.

Он не помнил, когда Сатору успел сделать второй кадр, но происхождение первого сомнений не вызывало — их прошлогодняя мартовская поездка в Камакуру.

В тот день Хайбара без устали щелкал затвором: снимал их поодиночке, парами, сделал кучу общих кадров.

Однако Годжо выбрал именно их единственный совместный снимок, заботливо поместил его под стекло и поставил на самое видное место.

Яёи искренне полагал, что за десять месяцев разлуки Годжо успел напрочь позабыть о нем.

Вдруг к горлу подступил странный, необъяснимый жар, а щеки предательски вспыхнули. Горячая волна смущения доползла до самых кончиков ушей, окрасив обычно бледную кожу в пунцовый цвет.

Его замешательство мгновенно передалось Сатору.

Увидев, как заливается румянцем лицо Яёи, Годжо неловко почесал кончик носа и тихо пробурчал:

— Да я просто... они как-то сами под руку подвернулись...

Вид этих рамок окончательно выбил Яёи из колеи. Праведный гнев испарился без следа, словно удар кулаком пришелся по мягкой вате.

В комнате повисла оглушительная тишина.

На удивление, первым заговорил именно Яёи.

Не решаясь поднять глаза на Годжо, он упорно разглядывал пейзаж за окном.

— Годжо... спасибо, что не выдал наш разговор директору Яге.

Годжо вскинул голову, изумленно уставившись на него. Он даже не заметил, как темные очки съехали на кончик носа. Он бережно, почти затаив дыхание, принялся всматриваться в лицо Яёи, силясь угадать его мысли.

Тот оставался верен себе: лицо его хранило привычную маску холодного безразличия. Любой незнакомец решил бы, что Яёи глубоко уязвлен или зол.

Но Годжо давно привык к его вечно недовольной мине и научился улавливать за ней малейшие перемены в настроении.

Похоже, сейчас Яёи действительно не злился. Уголки его губ едва заметно приподнялись, очертив мягкую, почти призрачную полуулыбку.

Всматриваясь в эти черты, Годжо ощутил, как сердце в груди забилося чаще, словно трепетная птица, внезапно обретшая свободу.

<http://bllate.org/book/19457/2004663>